

К ВОПРОСУ ОБ ОЦЕНОЧНОЙ СЕМАНТИКЕ ПРАВОВЫХ ПОНЯТИЙ

В статье представлены результаты исследования оценочной семантики правовых понятий и законодательных текстов. Рассмотрены основания и средства выражения оценочной семантики, дихотомичность правовых понятий, лексика и речевые приемы, которые используются в законодательных текстах для выражения положительных и отрицательных коннотаций. Акцентируется внимание на объективных и субъективных причинах неопределенности понимания оценочной семантики. Особое внимание уделено семантической генерализации и механизмам смыслового восприятия законодательного текста.

Ключевые слова: законодательный текст, оценочность, генерализация, неопределенность.

Традиционно считается, что законодательные (и в целом юридические) тексты лишены выразительности, а оценочность в них передается посредством семантически неопределенных понятий, которые могут получить различную интерпретацию (*особая жестокость, моральные страдания, суждения оскорбительного характера, вред средней тяжести, чрезвычайные обстоятельства* и т. д.). Однако результаты научных изысканий как лингвистов, так и правоведов (С. И. Вигилянский, И. Е. Воронина, П. В. Квасов, М. Ф. Лукьяненко, А. А. Пилипенко, М. В. Косова, О. И. Кулько, С. П. Хижняк и др.), а также проводимое нами исследование законов разных субжанровых типов свидетельствуют о том, что оценочность является одной из базовых составляющих правовой семантики, которую транслирует текст любого закона.

Семантика оценочности может быть выражена с помощью различных языковых и речевых средств (некоторые из них рассмотрены далее: дихотомия понятий, положительные и отрицательные оценочные коннотации, высокая и сниженная лексика, функциональный перенос, метафора и др.). Однако вне юридического дискурса данные средства утрачивают свой институциональный смысл, поскольку интерпретируются без учета содержательно-фактуальной и причинно-следственной связи текста закона и юридического дискурса.

Развивая подходы Н. Д. Арутюновой, В. И. Карасика, Ю. С. Степанова, В. Т. Фаритова, В. Е. Чернявской и др., под юридическим дискурсом мы понимаем открытое семиотическое пространство, представляющее собой совокупность лингвокультурных явлений действительности, при помощи которых происходит порождение, восприятие и бытование юридически значимых текстов, отражающих и формирующих правовое понимание и правовую культуру, и осуществляется государственно-правовая коммуникация.

Материалом исследования являются тексты законов, принятых в период с начала 1990-х гг. по 2019 г. на общегосударственном и региональном уровнях, экземпляры

REVISITING THE EVALUATIVE SEMANTICS OF LEGAL CONCEPTS

This article presents the research results of the evaluative semantics of legal concepts and legislative texts. The foundations and means of expressing evaluative semantics, the dichotomy of legal concepts, vocabulary and speech techniques, which are used in legislative texts to express positive and negative connotations, are considered. Attention is focused on the objective and subjective reasons for the uncertainty of understanding the evaluative semantics. Special attention is given to semantic generalization and mechanisms of semantic perception of the legislative text.

Keywords: legislative text, evaluation, generalization, uncertainty.

которых размещены на Официальном интернет-портале правовой информации (<http://www.pravo.gov.ru>) и в справочно-правовых системах «Консультант Плюс», «Консультант Плюс Регион».

В основе работы — комплексный подход к системе российских законов как гипертекстовому пространству, исследуемому в единстве и целостности составляющих его компонентов с применением методов дискурсивного, жанрово-стилистического, сравнительного, текстуального и интертекстуального анализов.

Как отмечает С. П. Хижняк, «оценка явлений правовой действительности и действий, совершаемых людьми в обществе», является одной из функций права [1, с. 17]. Для того чтобы понять механизм формирования оценочности, необходимо, прежде всего, ответить на вопросы, в отношении какого объекта (предмета, субъекта, явления, события) и какая оценка эксплицируется в том или ином правовом понятии: морально-нравственная, этическая, эстетическая либо оценка стандартных, повторяющихся речевых и неречевых ситуаций, не предполагающая прямую отсылку к морально-нравственным, этическим или эстетическим нормам. Например, в понятиях *преступник, садизм* [2, ст. 33, 63] в большей степени эксплицирована морально-нравственная оценка, в понятиях *краткосрочное/длительное свидание* [3, ст. 121] — оценка моделируемой (предполагаемой) ситуации, в понятиях *купля-продажа человека / торговля людьми* [2, ст. 127.1] совмещены как морально-нравственная, этическая оценка, так и негативная оценка ситуации.

В структуре человеческой деятельности ценностные аспекты взаимосвязаны с познавательными и волевыми: все многообразие общественных отношений и явлений действительности может оцениваться в плане добра или зла, допустимого или запретного, справедливого или несправедливого и т. д. [4]; bipolarность смыслового компонента содержится в любом высказывании в виде подразумеваемого противопоставления «должного», значимого, положительного и «не должного», не значимого, отрицательного [5; 6].

«...С точки зрения его ценности любое явление может быть классифицировано как благо — то есть имеющее положительную ценность, или как зло — то есть отрицательно-оценочное» [7, с. 6].

Правовые понятия осознаются полностью в условиях логической противопоставленности их существенных квалификационных признаков: *преступление/наказание, право/обязанность, правомерно/неправомерно, истец/ответчик* и т. д. В таких парах противоположное слово не может быть произвольно заменено другим словом без потери смысла.

В правовых дихотомиях совмещены противоречивость, при которой одно понятие имеет определенные черты, а другое их исключает, и соотносительность, при которой существование одного предмета или явления предполагает существование другого. Поэтому все пространство юридического дискурса может быть разделено на дихотомичные позиции, различающиеся именно в правовом контексте. По сути, элементы дихотомии являются аспектами одного целого и образуют своего рода единство противоположностей. Заметим также, что в законодательном тексте семантика противопоставленности предмета или признака другому предмету или признаку может быть не только явной, но и подразумеваемой. Например, в Трудовом кодексе РФ используются понятия *несовершеннолетний работник, нормальная продолжительность рабочего времени*, но отсутствуют понятия «совершеннолетний работник», «ненормальная продолжительность рабочего времени» [8].

Развивая представления М. В. Косовой, О. И. Кулько о семантике и способах ее представления в документном тексте, можно сказать, что адресант законодательного текста, «основываясь на дихотомии понятий «норма (= правильно, хорошо) / не норма (= неправильно, плохо)», закрепляет норму как положительный полюс данного противопоставления, и таким образом языковые единицы, не имеющие в структуре лексического значения оценочных сем, получают положительную семантику [9, с. 165; 10, с. 24], а законодательный текст приобретает признаки оценочности. Соответственно, нормативное рассматривается в качестве правильного (хорошего, необходимого и должного), не соответствующее норме — в качестве неправильного, плохого, недолжного.

«Различные группы терминов противопоставляются друг другу, относясь к тому или иному полюсу оценки» [11, с. 18]. Морально-нравственная и этическая оценка чьего-либо сознательного (реже — бессознательного) действия не только уже включена в значение юридических терминов и понятий (причем как положительная (*советник, оправдание, реабилитация, поощрение, поддержка*), так и отрицательная (*штраф, проступок, измена, разбой, преступление, геноцид, наемник, умысел, сговор, последствия, взятка, коррупция, наказание, выговор, вред*)), но и усиливается с помощью лексических сочетаний, контекстуального окружения (*действительный государственный советник, социальная поддержка, тяжкое преступление, совершение преступления по сговору группой лиц, разбойное нападение, государственная измена (измена Родине), причинение вреда*). Данные понятия отражают сложившиеся оценочные стереотипы.

Специфическую функцию в передаче оценочной семантики, как положительной, так и отрицательной, выполняет лексика высокого языкового стиля, нередко имеющая книжную (устар.) окраску. Примеры: *безвестно отсутствующий, верховный (суд), достояние народа, извлеченные из конвертов, бюллетень, надлежащий, несовместимый, обязан известить, огласить данные, проступок, рукописным способом (вручную), чрезвычайные (расходы на хранение), утрата (гражданства, доверия), ничтожная сделка, клевета*. За счет потенциального прагматического смысла такая лексика вызывает необходимые эмоции и, обладая сильным воздействующим потенциалом, способностью выдвигать тот или иной смысл в центр речевого высказывания, направляет восприятие адресата в нужном для адресанта русле.

В текстах конституционных преамбул, при описании гербов, флагов, а также в текстах присяг высокая лексика используется в составе устойчивых речевых штампов: *соединенные общей судьбой, высшая ценность, эстетические идеалы, торжественно клянусь, свято соблюдать (законы), моральная чистота, ответственные обязанности, исполнять (обязанности) честно и беспристрастно, внутреннее убеждение, беззаветное служение Отечеству, благополучие и процветание народов, Великая Россия, идеалы социальной справедливости, преисполнены решимостью* и др.

Особое эмотивное отношение к объекту речи возникает в том случае, если речевые штампы образуются на базе деепричастий со специфической книжной (устар.) окраской: *чтя память предков, передавших нам любовь и уважение к Отечеству, веру в добро и справедливость* [12, преамбула]; *свидетельствуя уважение к правам и свободам человека и гражданина* [13, преамбула]; *будучи преисполнены решимостью сохранения, соединив с этим свои помыслы и волю* [14, преамбула].

В текстах, не являющихся описанием или убеждением, оценочные определения входят в состав юридического термина или понятия и не являются эпитетами, хотя их первоначальное употребление, безусловно, предполагало выражение субъективной оценки какого-либо явления: *тяжкие преступления, крупный размер, мелкое хищение, агрессивная война* [2, ст. 15, 146, 158.1, 353], *фашистская символика* [15, ст. 6] и т. д.

Отметим, что наряду с высокой и нейтральной лексикой в законодательных текстах встречаются примеры сниженного пласта лексики — разговорно-бытовые слова и выражения, просторечия, жаргонизмы, которые характеризуются ярко выраженной оценочностью: *бродяга, наркопритоны* [16]; *приемник-распределитель для попрошайек и бродяг* [17]; *вербовка* [2, ст. 359]; *торговля с рук* [18, ст. 346.27]; *пересекая речки Шайтанка, Вторая Речка и реку Уй, до устья речки Кривая* (приложение к [19]).

Для конкретизации и модификации семантики глагольных, именных или наречных синтаксических групп используются наречия:

– меры и степени, выражающие:

максимально возможную или высокую (значительную) меру либо степень проявления признака: *особо тяжкие преступления, в особо крупном размере* [2, ст. 15, 146],

находятся в **значительно** удаленных от помещения для голосования местах [20, ст. 54]; **чрезвычайно** эпидемиологически опасные отходы [21, ст. 49]; плата, предусмотренная договором, **чрезмерно** завышена или занижена [22, ст. 125];

среднюю (достаточную) меру или степень проявления признака: *достоверных подписей достаточно* для регистрации кандидата [23, ст. 37]; *отсюда граница поворачивает довольно* прямой линией на восток (приложение 1 к [24]);

минимально возможную или незначительную (недостаточную) меру либо степень проявления признака (наращения данной группы употребляются только в региональных законах): *численность занятых в сельском хозяйстве снизилась почти* на треть (приложение к [25]); *далее граница идет в восточном-северо-восточном направлении, слегка* отклоняясь сначала на северо-восток (приложение 5 к [26]);

– образа действия: *преступлением, совершенным по неосторожности, признается деяние, совершенное по легкомыслию или небрежности* [2, ст. 26].

Оценочное отношение автора к предмету сообщения может быть, хотя крайне редко, выражено с помощью вводных слов, например: *Отношения автономных округов, входящих в состав края или области, могут регулироваться федеральным законом и договором между органами государственной власти автономного округа и, соответственно, органами государственной власти края или области* [12, ст. 66].

В числе особых речевых приемов, способствующих передаче оценочной семантики, следует назвать синонимию, внутреннюю метонимию, функциональный перенос и метафору.

При синонимии (*адвокат — защитник, прокурор — обвинитель, чиновник — государственный служащий, длительный — долгий*) предпочтение отдается какому-то одному слову из существующего синонимического ряда, и не всегда это слово является стилистически нейтральным, общим для данного ряда (доминантой). Ср.: *длительный период, длительный отпуск* [8, ст. 300, 335], *длительное свидание* [3, ст. 121] вместо более употребительных: *большой период, большой отпуск, большое (долгое) свидание*.

Внутренняя метонимия возникает в случае, если из предложения исключается слово, употребляемое в именительном падеже в функции подлежащего, а вместо него используется слово, которое до этого употреблялось в косвенном падеже в функции дополнения или обстоятельства. Именно вторая лексема приобретает метонимическое значение. Например: *руководитель объявляет выговор → выговор объявляется* [3, ст. 117].

При смене сочетаемости предикатов (слов, обозначающих признаки, свойства, качества) с конкретными существительными на сочетаемость с абстрактными или отвлеченными существительными возникает функциональный перенос, в результате которого предикативные сочетания в целом получают оценочную семантику достоверности. Ср.: *высокая женщина → высокая степень риска* [27, ст. 7.3].

Если предикат, который в прямом значении употребляется только с предметной лексикой определенной группы,

в силу сходства значения начинает сочетаться с предметной лексикой другой группы, то такой предикат получает переносное метафорическое значение с сохранением оценочного компонента: *караван судов* [22, ст. 148], *легкий метрополитен* [28], *запутанный характер сделки* [27, ст. 7].

Графически выделить слова и мотивировать соответствующее восприятие данных слов адресатом позволяют прописные буквы. В отличие от строчной, прописная буква выполняет большую индивидуализирующую функцию, обладая особой психолингвистической значимостью для носителей письменного языка, например: *Верховный Главнокомандующий Вооруженными Силами Российской Федерации* [12, ст. 87], *Чрезвычайный и Полномочный Посол Российской Федерации* [29]; *Мы, полномочные представители многонационального народа Российской Федерации... принимаем КОНСТИТУЦИЮ РЕСПУБЛИКИ МОРДОВИЯ* [30].

Неопределенность (неоднозначность) оценочной семантики и ее причины. Некоторые правовые понятия предполагают различную степень оценки чего-либо (и, соответственно, интерпретации) в зависимости от обстоятельств конкретной ситуации, меры и критериев оценивания и внутреннего убеждения реципиента (*достаточные основания, разумный срок, в исключительных случаях, крайняя необходимость, незначительный ущерб, суждение оскорбительного характера* и др.).

Следует подчеркнуть, что проблеме неоднозначной интерпретации таких понятий уделяется особое внимание в судебном и научно-правовом дискурсах, в рамках которых разъясняется та или иная норма либо ситуация, в которой должна реализовываться норма. В частности, в Определении Конституционного Суда РФ № 1030-О отмечается, что «использование законодателем оценочной характеристики преследует цель эффективного применения нормы к неограниченному числу конкретных правовых ситуаций» [31]. По мысли И. Е. Ворониной, П. В. Квасова, такого рода понятия являются неточными по объему, потому что их содержание представляет собой «незамкнутую логическую структуру и в любой момент может возникнуть новый, входящий в нее признак» [32, с. 159]. В качестве примера авторы приводят оценочное понятие *особая жестокость*, признаками которой могут быть *использование мучительно действующего яда, длительное лишение пищи и воды* и др. [32].

На наш взгляд, неопределенность (неоднозначность) понимания оценочной семантики имеет как объективные, так и субъективные причины.

В силу функциональной и смысловой специфики законодательные тексты ориентированы на воспроизведение адресатом выражаемой в тексте позиции. На первый взгляд, чем конкретнее с помощью лингвистических средств выражена правовая норма, тем правильнее она будет реализована на практике. Однако объективная необходимость распространения одного законодательного положения на максимальное количество тематически близких практических реализаций и применение права по аналогии обуславливают обобщенность правовых положений, т. е. приближенность к инварианту правовой нормы. «Общность закона суть юридическое выражение его объективности» [33, с. 58].

Поскольку законодательные тексты отражают не индивидуальный, а социальный опыт, употребляемая в них

лексика отличается множеством потенциальных связей с предметной действительностью. Конкретизация значения осуществляется через обозначаемую ситуацию и ее осмысление.

Кроме того, важен количественный и субъектный состав аудитории, на которую распространяется законодательный текст. В этой связи приведем мысль Е. Л. Доценко: чем шире аудитория, на которую требуется оказать воздействие, тем универсальнее должны быть используемые средства, и наоборот, чем уже предполагаемая аудитория, тем точнее должна быть подстройка под ее особенности [34, с. 101].

Для того чтобы распространить определенное правило на неопределенное (неограниченное) множество возможных субъектов, фактов, условий, событий, необходимо нивелировать различия между этими субъектами, фактами, условиями, событиями, сделав приоритетным какую-то одну характеристику, выделив наиболее общее, одинаковое, типичное, повторяющееся, наиболее вероятное. Это достигается за счет семантической генерализации: слова в законодательном тексте имеют обобщенный, универсальный смысл, нередко аморфную, «расплывчатую» семантику, а грамматические формы и конструкции (за редкими исключениями) выражают безличность, неназванность или неопределенность конкретного субъекта, факта, условия, безотносительность события к конкретному времени.

Денотативная и денотативно-предикативная лексика (термины используются вслед за Н. И. Жинкиным, А. И. Новиковым, В. М. Бельдяном), которая применяется для моделирования пространства законодательных текстов, приобретает предикативные характеристики обобщенности и абстрактности. Лексические единицы, используемые при создании законодательных текстов для передачи обобщенного, типизированного значения, условно могут быть названы генерализаторами. Например, сочетание *права и свободы человека и гражданина* образовано на основе предикатов (*право, свобода*) и генерализаторов (*человек, гражданин*).

Правовые понятия могут быть выражены одним генерализатором или предикатом (*собственник* [18, ст. 198], *штраф* [18, ст. 174], *вина* [8, ст. 156], *проступок* [8, ст. 192]), но чаще всего сочетанием двух и более предикатов (*принять меры* [2, ст. 125], *общественное место* [2, ст. 214], *аморальный проступок* [8, ст. 81], *условия высвобождения* [8, ст. 41]), а также сочетанием генерализатора и двух и более предикатов (*восстановление на работе работника* [8, ст. 83]).

Абстрактные правовоположения, образованные на основе генерализаторов и предикатов, по сравнению с конкретными, обладают большей применимостью, могут наполняться другими предметами (в силу сходства, общности), а потому универсальнее. Семантическая генерализация «способствует расширению или сужению психологической рамки восприятия и оценки текста» [35, с. 58] и может быть рассмотрена в качестве тактики, используемой для передачи невербального, имплицитного знания о необходимом поведении как истинном, для «программирования деятельности человека в обществе» и «устройства общественной судьбы» [36, с. 627], реализации законотворческих стратегий, гарантирующих предсказуемость социальных ситуаций и взаимодействий.

С другой стороны, важно учитывать, что производство и смысловое восприятие текста закона предполагают активную, но разнонаправленную речемыслительную деятельность: при производстве текста (экстериоризации) — от замысла к вербальным и невербальным средствам его выражения (речемыслительная деятельность адресанта-автора текста), при смысловом восприятии текста (интериоризации) — от вербальных и невербальных средств к замыслу (речемыслительная деятельность адресата).

Если автор закона при порождении текста кодирует юридически значимую информацию, то задача адресата при восприятии текста закона декодировать эту информацию в нужном ключе и применить правовое правило на практике так, как необходимо. Последнее является своего рода коммуникативным ответом на переданное адресантом законодательного текста сообщение.

При этом каждой норме закона и каждому тексту закона должна соответствовать только одна интерпретация, рассматриваемая в качестве достоверной. На вопрос, почему правовое правило не всегда интерпретируется и применяется так, как задумывал автор, нет одного ответа. Как отмечает Е. Л. Доценко, точность понимания предметного содержания зависит от различных факторов: «от того, насколько хорошо автору удалось подобрать необходимые средства выражения»; «от разрешающей способности языка», «от способности читателя реконструировать замысел автора», квалификации толкователя: знания предметной области, общекультурной подготовки, навыков толкования; от того, «насколько в нем сохранены связи с родственными контекстами», от степени доступности последних, наличия в тексте указателей на них [34, с. 28, 29, 32, 34].

Факторы, которые влияют на процесс понимания юридических текстов, Л. О. Бутакова, Е. Н. Гуц относят либо к объективным, присущим воспринимаемому вербальному материалу (сложность содержательной структуры, специфика семантической организации текста), либо к субъективным (уровень языкового и когнитивного развития реципиента, степень профессиональной стереотипизации его сознания) [37, с. 18].

На наш взгляд, незапрограммированная интерпретация может быть обусловлена формулированием нормы закона, нюансами непосредственной реализации правового правила на практике, периодом времени, прошедшим со дня принятия закона, и произошедшей трансформацией социальной ситуации, которая регулируется данным законом. Однако в большинстве случаев проблема заключается в ясности правовой нормы для адресата, точности и однозначности понимания текста в целом.

Таким образом, посредством правовых понятий выражается юридически значимая фактическая информация, вместе с тем каждое правовое понятие имеет оценочный компонент, с помощью которого сохраняется связь с частью невыраженной семантики, юридическим дискурсом как интеллектуальным пространством.

В категории оценочности преломляются этнокультурные и правовые концепты («государство», «общество», «человек», «власть», «право», «закон», «справедливость», «преступление», «наказание», «невиновность» и др.), выражающие в концентрированном виде незыблемые основы

общества и государства, наиболее значимые аспекты содержания национальной правовой системы и культурные универсалии, влияющие на формирование индивидуального сознания человека.

Явно выраженная с помощью языковых и речевых средств либо подразумеваемая оценка программирует смысловое восприятие текста закона, вызывая необходимые ассоциации. Неопределенность понимания оценочной семантики как отдельного правового понятия, так и законодательного текста в целом обусловлена семантической генерализацией и средствами ее выражения, нюансами ситуаций, в которых преломляется норма закона, а также различием знаний и опыта интерпретирующей деятельности адресатов-реципиентов.

1. Хижняк С. П. Роль лингвистических и экстралингвистических факторов в формировании русской и английской терминологии // Проблемы истории культуры, литературы, социально-экономической мысли. Саратов : Изд-во СГУ, 1984. С. 16–28.

2. Уголовный кодекс РФ от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

3. Уголовно-исполнительный кодекс РФ от 8 января 1997 г. № 1-ФЗ // Российская газета. 1997. 16 янв.

4. Дробницкий О. Г. Ценность // Большая советская энциклопедия. М. : Советская энциклопедия, 1978. Т. 28. С. 491–492.

5. Крюков В. В., Данилкова М. П. Философское понимание ценностей культуры : учеб. пособие. Новосибирск : Сиб УПК, 2002. 83 с.

6. Старостин Б. А. Ценности и ценностный мир : учеб. пособие по аксиологии. М. : Компания «Спутник», 2002. 154 с.

7. Василенко В. А. Ценность и оценка : автореф. дис. ... канд. филос. наук. Киев, 1964. 21 с.

8. Трудовой кодекс РФ от 30 декабря 2001 г. № 197-ФЗ // Российская газета. 2001. 31 дек.

9. Косова М. В. Субъективность как компонент модальности документного текста // Категория модальности в речевой коммуникации : сб. науч. тр. / под ред. И. Ю. Кукса. Калининград : Изд-во Балт. федерал. ун-та им. И. Канта, 2016. С. 162–168.

10. Кулько О. И., Косова М. В. Субъект документного текста: семантика и способы ее представления // Вестн. Волгоград. гос. ун-та. Сер. 2. Языкознание. 2011. № 2 (14). С. 23–28.

11. Жукова М. В. Оценочность как свойство терминологии уголовного права // Изв. Волгоград. гос. пед. ун-та. 2013. № 6 (81). С. 16–20.

12. Конституция Российской Федерации // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201408010002> (дата обращения: 26.06.2019).

13. Конституция Республики Башкортостан от 24 декабря 1993 г. № ВС-22/15 // Республика Башкортостан. 2002. 6 дек.

14. Степное Уложение (Конституция) Республики Калмыкия // Изв. Калмыкии. 1994. 7 апр.

15. Федеральный закон от 19 мая 1995 г. № 80-ФЗ «Об увековечении Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов» // Российская газета. 1995. 24 мая.

16. Закон Калининградской области от 30 ноября 2004 г. № 461 «Об утверждении областной Программы по усилению борьбы с преступностью на территории Калининградской области на 2004–2005 годы» // Российская газета («Запад России»). 2004. 23 дек.

17. Закон Новосибирской области от 16 декабря 2006 г. № 70-ОЗ «Об областном бюджете Новосибирской области на 2007 год» // Советская Сибирь. 2006. 26 дек.

18. Налоговый кодекс РФ (часть вторая) от 5 августа 2000 г. № 117-ФЗ // Парламентская газета. 2000. 10 авг.

19. Закон Омской области от 30 июля 2004 г. № 548-ОЗ «О границах и статусе муниципальных образований Омской области. 2004. № 3 (40). Ст. 2279.

20. Закон Приморского края от 5 января 2004 г. № 97-КЗ «О местном референдуме в Приморском крае» // Утро России. 2004. 13 янв.

21. Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // Российская газета. 2011. 23 нояб.

22. Кодекс внутреннего водного транспорта РФ от 7 марта 2001 г. № 24-ФЗ // Российская газета. 2001. 13 марта.

23. Закон г. Москвы от 6 июля 2005 г. № 38 «Избирательный кодекс города Москвы» // Ведомости Московской городской Думы. 2005. 19 авг.

24. Закон Красноярского края от 25 февраля 2005 г. № 13-3116 «Об установлении границ и наделении соответствующим статусом муниципального образования Тасеевский район и находящихся в его границах иных муниципальных образований» // Ведомости высших органов государственной власти Красноярского края. 2005. 20 марта.

25. Закон Московской области от 31 октября 2001 г. № 165/2001-ОЗ «Об Областной целевой программе «Содействие организациям Московской области в профессиональном развитии персонала на 2002–2003 годы» // Ежедневные Новости. Подмосковье. 2001. 15 нояб.

26. Закон Ярославской области от 3 декабря 2007 г. № 105-з «Об описании границ муниципальных образований Ярославской области» // Губернские вести. 2007. 10 дек.

27. Федеральный закон от 7 августа 2001 г. № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» // Российская газета. 2001. 9 авг.

28. Закон г. Москвы от 5 мая 2010 г. № 17 «О Генеральном плане города Москвы» // Тверская, 13. 2010. 3 июня.

29. Федеральный закон от 23 июня 2016 г. № 186-ФЗ «О Чрезвычайном и Полномочном После Российской Федерации в иностранном государстве и Постоянном представителе (представителе, постоянном наблюдателе) Российской Федерации при международной организации (в иностранном государстве)» // Российская газета. 2016. 27 июня.

30. Конституция Республики Мордовия // Известия Мордовии. 2011. 16 марта.

31. Определение Конституционного Суда РФ от 24 апреля 2018 г. № 1030-О «Об отказе в принятии к рассмотрению

жалобы гражданина Никифорова Геннадия Яковлевича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 55, статьей 60 и частью третьей статьи 113 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС «Консультант Плюс». URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=539095#09151503313450766> (дата обращения: 26.06.2019).

32. Воронина И. Е., Квасов П. В. Проблемы онтологического моделирования в уголовно-правовой сфере // Вестн. Воронеж. гос. ун-та. Сер. Системный анализ и информационные технологии. 2011. № 2. С. 154–163.

33. Лукьянова Е. Г. Учение о законе в политико-правовой мысли России XIX–XX вв. : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2018. 425 с.

34. Доценко Е. Л. Психология манипуляции: феномены, механизмы и защита. М. : ЧеРо, Изд-во МГУ, 1997. 344 с.

35. Чернявская В. Е. Дискурс власти и власть дискурса: проблемы речевого воздействия : учеб. пособие. М. : Флинта : Наука, 2006. 136 с.

36. Мальцев Г. В. Социальные основания права. М. : Норма, 2007. 800 с.

37. Бутакова Л. О., Гуц Е. Н. Официально-деловой дискурс: психолингвистическое исследование восприятия интруктивного документа методом «встречного текста» // Вестн. Челябин. гос. ун-та. 2013. № 37 (328). С. 16–22.

© Батюшкина М. В., 2019

УДК 81'337.7

Науч. спец. 10.02.01

DOI: 10.36809/2309-9380-2019-24-70-74

ОККАЗИОНАЛЬНАЯ ДЕРИВАЦИЯ ВО ФРАЗЕОЛОГИИ И ИНДИВИДУАЛЬНО-АВТОРСКИЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ

В статье рассматриваются приемы создания окказиональных фразеологических дериватов и собственно индивидуально-авторских фразеологических единиц, выявляются закономерности и связанность с элементами среды: лексемное и фраземное окружение, речевая ситуация, лексическое значение исходных слов свободного употребления и внутренняя форма фразеологизмов.

Ключевые слова: фразеологизм, деривация, окказионализм, фразеобразованье, мотивировка значения, узус, внутренняя форма.

THE OCCASIONAL DERIVATION IN PHRASEOLOGY AND AUTHOR'S INDIVIDUAL PHRASEOLOGISMS

The article discusses the methods of creating occasional phraseological derivatives and author's individual phraseological units proper. It reveals patterns and relationships with environmental elements: lexical and phraseological surrounding, speech situation, lexical meaning of source words of free usage and the inner form of phraseological units.

Keywords: phraseologism, derivation, occasionalism, phrase formation, motivation of meaning, uzus, inner form.

В свое время Б. А. Ларин, указывая на непрерывность обогащения фразеологического запаса русского языка, писал: «Нет никаких оснований отрицать дальнейшее обогащение языка фразеологическими средствами на современном этапе его развития. Путь мысли от частного к общему отражается в языке созданием метафорических, образно-иносказательных выражений, а дальше — отвлеченно-типичных формул и условно-символических обозначений. Иными словами, создание фразеологических словосочетаний неотъемлемо присуще историческому развитию, обогащению и совершенствованию языка» [1, с. 145].

Общезвестно, что фразеологические единицы (далее — ФЕ) обычно образуются в результате переосмысления свободных словосочетаний. Появление новых фразеологизмов в речи возможно и в результате вторичного фразеобразованья, т. е. на базе уже существующих ФЕ. Такой процесс называется фразеологической деривацией. Окказиональные фразеологические дериваты обладают идиоматичностью и образной мотивировкой. При этом происходят как формальные изменения, так и семантические преобразования, которые затрагивают предметно-логический, а не коннотативный аспект значения.

Окказиональная фразеологическая деривация представляет определенные модели и типы:

- образование окказионального деривата по аналогии:
 - полная структурно-семантическая аналогия;
 - неполная структурно-семантическая аналогия;
- образование окказиональной фразеологической единицы в результате контаминации двух (и более) ФЕ;
- выделение окказиональной ФЕ из состава более сложного фразеологизма;
- образование окказиональной ФЕ по конверсии.

Образование окказиональных ФЕ по аналогии — довольно частое явление, что доказывает факт моделируемости фразеологических единиц, хотя ранее считалось невозможным говорить о понятии «фразеологическая модель», что объясняли иррегулярностью формы и содержания ФЕ, т. е. идиоматичностью.

Моделированные ФЕ создаются по аналогии с уже существующими узуальными фразеологизмами, носят индивидуально-авторский характер, функционируют, как правило, только в тексте, в котором они были созданы, хотя часть из них со временем могут закрепиться в языке и стать общеупотребительными. Как писал В. М. Мокиенко, «чем понятнее образ,